

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Т.В. Панфилова

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

Изучение общественного сознания – важная часть предусмотренных университетской программой обществоведческих курсов. Особенно оно важно в курсе философии, ибо только философия рассматривает общественное сознание как целостную систему. На первый план выходит изучение уровней и форм общественного сознания, причём подчёркивается, что каждая форма проявляется на всех уровнях, хотя и в разной степени. Вопрос о статусе науки остаётся спорным. Определённую трудность для студентов и аспирантов представляет понимание того, что такое общественная психология и какова её роль в общественной жизни. Отдельное место в структуре общественного сознания принадлежит идеологии, изучению которой необходимо уделять особое внимание.

Серьёзную проблему представляет соотношение общественного, группового и индивидуального сознания. Освоение этой темы имеет воспитательное и практическое значение, поскольку способствует выработке у студентов навыков совместной деятельности в группе, что, в свою очередь, помогает преодолевать часто встречающуюся у молодых людей фрагментарность сознания и способствует выработке навыков последовательного мышления. Следует специально остановиться на вопросе о ценностях, как в теоретическом, так и в практическом плане. Важное практическое значение имеет представление о возможном конфликте ценностей, поскольку современный человек, с одной стороны, включён в процессы глобализации и становится носителем «общечеловеческих ценностей», с другой – он по-прежнему воспитывается в определённой этнокультурной среде и является носителем ценностей своей этнической группы.

Осмысление ценностей и возможного противоречия между ними поможет студенту стать полноценным субъектом межкультурного взаимодействия. С новой силой встанет вопрос об истолковании гуманизма и о его практическом воплощении. При всём разном в трактовках гуманизма, в обсуждении этой темы проглядывает главное: гуманизм представляется ценностью. Такая позиция близка автору, хотя она и понимает, что такой подход остаётся пока что лишь благим пожеланием [10, с. 70-71]. Хотелось бы, чтобы гуманизм стал подлинной общечеловеческой ценностью, и не только в теории, но и на практике.

Ключевые слова. Общественное сознание, формы и уровни общественного сознания, наука, обыденное сознание, общественная психология, идеология, групповое сознание, индивидуальное сознание, ценности, межкультурное взаимодействие, гуманизм.

Тема «Общественное сознание и его структура» составляла важную часть курса исторического материализма. Исключение этой дисциплины из программы обучения привело к тому, что общественное сознание перестало рассматриваться в качестве обязательной и самостоятельной темы как философии, так и обществоведческих курсов, предусмотренных программой университета. И хотя в ряде учебных дисциплин отдельные части темы затрагиваются, однако целостного представления о структуре общественного сознания и его формах сегодня не даёт ни одна дисциплина, включая философию. В то же время, едва ли удастся найти обществоведческую дисциплину, которая обходилась бы без понятий, предназначенных для осмысления структурных элементов общественного сознания, что свидетельствует о важности этой темы. Однако её раздробленность на отдельные фрагменты и разведение их по разным дисциплинам невольно вводит учащихся в заблуждение. Они либо перестают замечать связи между отдельными проявлениями общественного сознания, скажем, между правосознанием и идеологией, поскольку те изучаются в разных дисциплинах; либо, напротив, начинают их отождествлять, например, религиозную идеологию с традициями национальной культуры, поскольку в культурологических курсах они, как правило, понятийно не разграничиваются, а в обыденном сознании чаще всего сливаются.

Видимо, назрела необходимость свести все элементы общественного сознания воедино, представив общественное сознание в виде целостной системы, чтобы осмыслить место каждого из её элементов в связи с другими и в то же время в его собственной специфике. Практический вопрос, однако, в том, в каких учебных дисциплинах это можно сделать с учётом нынешних реальностей и на какие проблемы следовало бы обратить внимание в преподавании этой темы уже сегодня.

На первый взгляд, простейшее решение вопроса лежит на поверхности: если

некогда тема общественного сознания входила в курс философии, её надо туда же вернуть. И тут мы сталкиваемся с реальной трудностью, преодолеть которую пока не вижу возможности: учитывая количество часов, отведённых студентам на изучение философии, - и без того ничтожное количество, которое имеет тенденцию к дальнейшему сокращению, - маловероятно, чтобы можно было восполнить образовавшийся пробел за счёт возобновления преподавания этой темы в качестве самостоятельного раздела курса философии.

Большие надежды я возлагаю на аспирантский курс «История и философия науки» в его обществоведческой части, благо имеющаяся в нашем распоряжении учебная литература по этому курсу [4, часть 2] содержит раздел, раскрывающий связь общественного сознания с формированием культуры. Что касается соотношения отдельных проявлений общественного сознания, то на эту сторону дела хорошо бы, по возможности, обратить более пристальное внимание как в преподавании философии для студентов, так и в культурологических курсах для аспирантов, в каждом из которых есть темы, сопряжённые со структурой общественного сознания и спецификой его частей. Например, во вводной лекции по философии, раскрывая своеобразие философии как определённого типа мировоззрения, желательно уделить внимание отличию философского (или ширенаучного) мышления от мышления обыденного. Наверняка большинство лекторов так и поступает. Но нелишним было бы ввести такое объяснение во всеобщую практику, чтобы, начиная занятия с аспирантами, преподаватель был уверен в том, что с этим вопросом аспиранты ознакомились, будучи ещё студентами.

Некоторую трудность представляет вопрос о содержании темы. Полностью возвращаться к тому, как тема преподавалась в курсе исторического материализма, нет смысла. Тогда положения об общественном сознании и его структуре подавались слишком абстрактно, оторвано от действительности. Возобнов-

ля преподавание этой темы, хотелось бы привязать её к реальным современным проблемам общественной жизни, что потребует пересмотра в ряде случаев как содержания категорий, так и их соотношения, поскольку изменились обстоятельства, осмысливаемые с помощью этих категорий.

Перехожу к изложению некоторых предложений по включению вопросов, связанных с общественным сознанием, в преподавание обществоведческих курсов. Тема, конечно, не исчерпывается выдвинутыми предложениями. Скорее, речь идёт о начале обсуждения насущного вопроса с расчётом на его продолжение.

Проблема соотношения уровней общественного сознания

В историческом материализме было принято выделять два слоя общественного сознания: идеологию и общественную психологию. Под идеологией понималась система идей, взглядов, представлений о различных областях общественной жизни (политических, философских, нравственных, эстетических, религиозных), то есть система, в которой был сконцентрирован обобщённый социальный опыт. В противовес идеологии, выражавшей степень понимания обществом самого себя, понятием «общественная психология» охватывались умонастроения общественных слоёв и групп, их надежды и разочарования, привычки, переживания, одним словом, весь комплекс эмоционально переживаемых состояний, связанных с повседневной практической жизнью и не требующих теоретических обобщений. Тем самым общественная психология оказывалась частью обыденного сознания, то есть входила в совокупность представлений человека о мире и о своём месте в нём, стихийно складывавшихся у каждого человека в процессе воспитания и обучения.

Выходит, что нужна ещё одна пара категорий: обыденное (массовое) сознание и противостоящее ему сознание теоретическое (научное). Обе пары категорий

выражают уровни общественного сознания, но не полностью совпадают друг с другом. Если изображать слои схематично, то разделительные линии между слоями окажутся несколько сдвинуты друг относительно друга с тем, чтобы показать, что обыденное (массовое) сознание вбирает в себя не только общественную психологию, но и частично – идеологию. Тем самым подчёркивается не только связь идеологии с теоретическим сознанием, но и её влияние на общественную психологию. К тому же такое расположение слоёв сказывается на содержании форм общественного сознания.

Уместно перечислить формы общественного сознания и связанные с ними проблемы. Если изобразить общественное сознание графически, то формы будут изображаться вертикальными столбцами, пронизывающими слои общественного сознания. Чаще всего выделяют 6 форм общественного сознания: философия, научное сознание, политико-правовое сознание, моральное сознание, религиозное сознание, эстетическое сознание. Нужно ли каждый раз повторять слово «сознание» в названии форм? Можно обойтись и без повторений, если по контексту ясно, что речь идёт, скажем, не о науке как о совокупности научных учреждений, а именно о производстве знаний. Иногда для краткости термин «религиозное сознание» заменяется словом «религия», а «эстетическое сознание» – словом «искусство», если по контексту ясно, что речь идёт о верованиях или эстетических представлениях, а не о соответствующих общественных институтах.

Что касается количества форм общественного сознания, то и здесь есть свои трудности. Так, в осмыслении науки прослеживаются две тенденции:

– первая из них исходит из того, что необходимо вынести науку за пределы общественного сознания в качестве особого явления общественной жизни в силу специфики её положения в обществе и возрастания её роли в управлении производством, и тогда количество форм общественного сознания сокращается до пяти;

– вторая тенденция выступает за то, чтобы сохранить науку в качестве самостоятельной формы общественного сознания в отличие от философии, которая, хоть и признаётся теоретически (научно) обоснованным мировоззрением, наукой всё-таки не является. Вопрос упирается в то, что считать «наукой». Исторически положение сложилось так, что образцом науки, начиная с XVII в., стало считаться естествознание, особенно физика, которая – как тогда казалось – мировоззренческой основы не требует. Положение закрепилось в XIX в. благодаря позитивизму, в котором научное знание было противопоставлено «метафизике», не подпадавшей под определение науки.

Думаю, что эти представления на сегодня уже устарели. Пора от них отказываться вместе с позитивизмом как учением очень ограниченным. Представляется более адекватным определение философии как науки о всеобщем, чем подчёркивается её научный статус и, вместе с тем, её отличие от других наук, имеющих своим предметом отдельные стороны бытия, как природного, так и общественного. Полагаю, что в конечном счёте имеет смысл сохранить обе самостоятельные формы общественного сознания – и философию, и науку.

Каждая форма общественного сознания содержит в себе все ранее перечисленные слои, хотя и в разной степени. Скажем, в такой форме общественного сознания, как наука, теоретический уровень мышления, безусловно, преобладает, хотя нельзя полностью исключать влияния как на самих учёных, так и, косвенно, на разрабатываемые ими теоретические построения таких факторов, как массовые настроения или привычки, например.

Рассматривая соотношение уровней общественного сознания, важно заметить, что идеология, будучи системой теоретически осмысленных взглядов и положений, касающихся всех форм общественного сознания, присуща каждой из них. Другими словами, идеология многолика, она может предстать в виде системы философских, этических, эстетических, религиозных взглядов и идей,

а вовсе не обязательно политических, с каковыми чаще всего связывается понятие идеологии, причём все эти системы взаимодействуют между собой в рамках идеологии как высшего уровня общественного сознания. Эта сторона вопроса зачастую выпадает из поля зрения как преподавателей, так и, вслед за ними – студентов, поскольку отсутствует в учебных курсах. И дело тут не в упущениях со стороны преподавателей, а в специфике нынешней образовательной политики, предусматривающей «деидеологизацию» образования.

Но ведь формальный отказ от идеологии – это требование идеологии либерализма. Подобно тому, как сентенция «никакой политики – это тоже политика», то и «никакой идеологии – это тоже идеология». Несмотря на возвышенную либеральную риторику, она вырабатывается всё теми же идеологами, то есть представителями интеллигенции, выполняющими социальный заказ. Успех либеральной идеологии определяется тем, что она апеллирует к обыденному сознанию и подыгрывает обывательским настроениям. Обычно в основе идеологических построений, обращённых к массовому сознанию, лежат «ложные альтернативы», о которых мне уже доводилось писать [10, с. 12-15]. Приведу лишь один пример того, что я называю «ложными альтернативами». Кому из нас не доводилось слышать рассуждений типа: «Раз вы недовольны проводимыми в России реформами, значит, вы отвержены порочной советской системе». Такое рассуждение несостоятельно, ибо опирается на необоснованное противопоставление: либо человек – сторонник нынешних реформ, либо он – сторонник прошлого. Либо – либо, третьего не дано. А почему «не дано»? Разве нельзя быть противником нынешних реформ, разрушительных для страны и губительных для её суверенитета, и в то же время сторонником таких реформ, которые содействовали бы укреплению независимости страны и процветанию её культуры?

В предложенной альтернативе варианты исключены без каких бы то ни было

оснований, если не считать серьёзным основанием политико-идеологические пристрастия её разработчиков. Альтернатива оказывается ложной, но использованный приём срабатывает, поскольку человеку, не искущённому в логике, кажется вполне логичным сделать выбор из предложенных крайностей. Тем самым носителям массового сознания задаётся определённый идеологический настрой, который им самим кажется извлечённым от всякой идеологии.

В результате «деидеологизации» образования порой нелегко бывает объяснить аспирантам, что правовая система той или иной страны или её экономический курс вырабатываются в рамках определённой идеологии, поскольку, будучи студентами, они подобных вопросов не изучали. Им зачастую представляется, что, пока они не выходят за пределы чисто профессиональных вопросов – скажем, правовых или экономических, – они остаются вне идеологии. Боюсь, что это опасное заблуждение, устранить которое – наша, преподавателей философии и обществоведческих дисциплин, задача.

Не меньшее значение учёт идеологической составляющей имеет в анализе религиозных представлений. В курсе культурологии кажется естественным подчёркивать связь религии с соответствующей культурой, а значит, и с проявлениями общественной психологии (умонастроениями людей, их переживаниями). При этом велика вероятность того, что идеологическая основа ныне существующих религий отодвинется на задний план, а вместе с тем перестанет замечаться, как религиозная идеология влияет на общественные настроения и на образ жизни населения. Возьмём для примера вопрос об исламском экстремизме, вопрос актуальный, как никогда, особенно в связи с терроризмом. При всей сложности и многоплановости этого вопроса, в котором под силу разобраться только специалисту, нельзя не отметить присутствия в нём обсуждаемой проблемы, а именно: влияния идеологии – в данном случае идеологии ислама – на общественную психологию.

Так, исследователи Пакистана отмечают любопытный момент: общественное мнение страны осуждает терроризм и в то же время нейтрально относится к проявлениям исламского экстремизма [18]. В массовом сознании жителей Пакистана эти два явления просто не связываются между собой. Они разведены следующим образом: утверждается, что терроризм не совместим с исламом, ибо от него страдают в первую очередь верующие мусульмане; что же касается исламского экстремизма, то он считается способом защиты исламских ценностей, не предполагающим терроризма. Здесь явно поработали идеологи. Постороннему наблюдателю очевидна искусственность подобного разведения, но на общественное сознание простых верующих оно действует безотказно.

Другой пример из более близкой нам реальности: идея строительства в Москве двухсот культовых сооружений, – «храмов шаговой доступности», как их называют. Под разговоры о том, что надо уважать чувства верующих, в чём, кстати, никто не сомневается, и что вера – дело благое и надо её распространять, что уже сомнительно, нам навязывается религия, то есть форма общественного сознания, обладающая собственной идеологией. Ссылки на веру в данном случае совершенно несостоятельны, ибо вера – дело сугубо личностное и в готовом виде другому человеку не передаётся. Что передаётся – так это психический настрой, эмоциональное состояние, накал чувств, что в социальной психологии называется заражением, каковое выражает «во многом бессознательную, невольную подверженность индивида определённым психическим состояниям» [12, с. 258].

Если же человека начинают убеждать в правильности какой-то веры, а тем более целенаправленно давить ему на психику с тем, чтобы подчинить его определённым идеям или правилам, здесь уже вера ни при чём: она оттеснена на задворки сознания, а на первый план выдвинулась религиозная идеология как институционализированное учение о неких трансцендентных сущностях –

учение о божественном. Его цель, однако, вполне земная – ввести человеческую жизнь в определённое русло в интересах некоторых социальных групп, включая самих священнослужителей.

Именно с таким положением мы встречаемся в случае «храмов шаговой доступности». Кому это выгодно, догадаться нетрудно. Предоставляю читателю возможность догадаться самому. В то же время нельзя не отметить, как меняется среда обитания жителей Москвы благодаря обилию храмов. У взрослого неверующего человека их обилие, скорее всего, вызовет для начала чувство досады, поскольку чем больше культовых сооружений, тем меньше возможностей органично вписать их в городскую застройку и тем меньше оснований видеть в них произведения архитектуры, да и культуры вообще. А вот беспардонное навязывание религиозных установлений порождает чувство протеста, которое церковные власти назовут неуважением чувств верующих и обратятся к государству за поддержкой, хотя в данном случае правильнее было бы говорить о пренебрежении чувствами неверующих. Показное смирение православия, как, впрочем, и любой религии, ислама например, оборачивается преследованием несогласных. Что ж, любая идея, доведённая до абсурда, превращается в свою противоположность.

Не следует упускать из виду и то, какое воздействие на подрастающее поколение окажет наличие культовых сооружений на каждом шагу. Дети, выросшие в их окружении, будут воспринимать их как привычную составляющую бытовой обстановки, а поход в церковь станет для них повседневной рутинной. Тем самым детям исподволь внушается мысль о неизбежности такого положения вещей, как неизбежно повседневное существование. Элементы религиозного культа встраиваются в обыденное сознание. Добавляет ли веры обилие храмов – особый вопрос. Ведь, судя по утверждениям священнослужителей, верующий должен нравственно очиститься, прежде чем войти в храм. В случае «шаговой доступ-

ности» это требование отпадает. Некогда «очищаться»! Сделай шаг – и ты в храме. Главное – не медли, не задумывайся, а то ещё передумаешь. Поспеши в храм, там тебе всё растолкуют. Что ж, чисто идеологическая работа!

Может возникнуть вопрос: не слишком ли много внимания уделено идеологии? Смотря какая задача ставится перед системой образования. Если деидеологизация превращена в самоцель, то чем меньше идеологии, тем лучше. Важно, однако, учитывать особенности мира, в котором мы живём. Обратимся к опыту такой уважаемой страны, как Франция. Как там решается вопрос об идеологической подготовке учащихся? Оказывается, перед французскими учащимися, начиная со школьной скамьи, ставится задача вырабатывать навыки самостоятельного мышления, способность самостоятельно выявлять и формулировать проблемы, чтобы деятельность граждан на благо своей страны стала по-настоящему эффективной. Как свидетельствует исследователь французской системы образования Н.В. Литвак, именно так представляют во Франции смысл образования, «что постоянно декларируется на политическом уровне как основная цель. В обстановке же всеобщей конкуренции, фактически на новом этапе глобальной борьбы всех против всех, это обстоятельство играет весьма важную, если не решающую роль» [6, с.85].

При этом авторы французских учебников по философии не стесняются заявлять о том, что преимущественно используют материалы мыслителей, представляющих западную философию. «Таким образом, – подчёркивает Н. Литвак, – реализуется задача воспроизводства именно западной философской традиции, западного образа мышления, западных ценностей» [6, с.85]. И пока в России продолжают рассуждать о выработке «национальной идеи», во Франции готовят эффективных защитников ценностей западноевропейской цивилизации. Получается, что, идя на поводу у «деидеологизаторов», мы заведомо проигрываем во всеобщей конкуренции,

тем более что руководство Министерства образования России до сих пор не отказалось от провозглашённого одним из прежних министров образования А. Фурсенко курса на подготовку потребителей, в противовес творцам.

Завершая этот раздел статьи, подчеркнём ещё раз важность учитывать наличие разных уровней во всех формах общественного сознания и возможность их взаимопроникновения.

Проблема соотношения общественного, группового (коллективного) и индивидуального сознания

Соотношение видов сознания в зависимости от его носителя – общества, социальной группы или отдельно взятого человека, – рассматривалось в историческом материализме преимущественно через призму интересов. В этом есть свой резон. Однако сопоставление общественных, групповых и индивидуальных интересов плодотворно только после того, как выявлена общественная природа сознания, поскольку тем самым утверждается диалектическое единство всех трёх разновидностей сознания.

Во избежание недоразумений уместно было бы напомнить о том, что термин «общественное сознание» употребляется в двух смыслах, связанных между собой, но не совпадающих полностью. С одной стороны, под «общественным сознанием» подразумевается то, что общество представляет собой самостоятельный субъект – носитель сознания, хотя его самостоятельность нельзя абсолютизировать, ибо, в конечном счёте, сознание принадлежит членам общества, объединённым системой общественных отношений. С другой стороны, в словосочетании «общественное сознание» подчёркивается его общественная природа, то есть тот факт, что сознание складывается у ребёнка в ходе освоения им способов человеческой деятельности, что принято называть социализацией. Человек оказывается субъектом – носителем как индивидуального, так и группового, так

и общественного сознания благодаря общественной природе последнего, обеспечивающей диалектическое их единство.

Эта сторона дела хорошо прописана в учебной литературе для аспирантского курса «История и философия науки» [4, часть 2, глава 3]. В то же время такая интерпретация соотношения видов сознания предполагает их иерархию, в которой высшую позицию занимает общественное сознание, а низшую – индивидуальное. Значит, они находятся в отношениях подчинения, чем диалектическая зависимость не отменяется. Теоретически рассуждая, они должны бы гармонично вписываться один в другой, но практически так не бывает. Раз есть соподчинение, будет ему противодействие. Раз есть иерархия интересов, она будет нарушаться в чью-то пользу.

Здесь мы сталкиваемся с проблемами, в решении которых, на мой взгляд, нам помогли бы наработки прошлого. В самом деле, в сегодняшнем «деидеологизированном» обществе приоритет отдаётся индивиду, причём как перед обществом в целом, так и перед социальной группой. В свою очередь, социальной группе отдаётся предпочтение перед обществом. Получаем иерархию «наоборот». С точки зрения обыденного сознания, так и должно быть. С теоретической точки зрения, это проявление позиции либерализма, то есть утверждение идеологическое по сути своей, хотя и прикрывающееся «здравым смыслом». Для молодёжного сознания такая позиция весьма привлекательна. Но состоятельна ли? Ведь молодых людей соблазняет мысль о том, что они никому ничем не обязаны, что они сделали самостоятельный выбор, поступив в вуз, и теперь свободно развиваются в соответствии с собственными интересами и предпочтениями. Их манит «это сладкое слово – свобода».

Думается, что в сложившейся ситуации следует воспользоваться, с одной стороны, философскими учениями прошлого, в первую очередь – учением Спинозы; с другой стороны, идеей исторического материализма об иерархии интересов, вобравшей в себя опыт предшествовав-

шей философии. Обратившись к учению Спинозы, мы подчеркнём, что свободе противостоит не необходимость, а принуждение, и что свободной может быть только субстанция, существующая по необходимости собственной природы, а не отдельно взятый человек. Чтобы стать свободным в спинозовском смысле слова, надо стать субстанцией. Если когда-нибудь это произойдёт, тогда – другой разговор. Пока же приходится считаться с тем, что человек исторически становился человеком в обществе и вместе с обществом.

Иначе говоря, положение об общественном происхождении человека разумного относится не только к отдалённым временам. Оно действительно и сегодня для каждого из нас. В этой связи положение исторического материализма об иерархии видов сознания в зависимости от его носителя не утратило своего значения. Чтобы молодой человек мог сделать свободный выбор, например, будущей профессии, необходимо, чтобы государство позаботилось о достойном образовании своих граждан, чтобы заинтересовавшие юношу профессии были востребованы в обществе, чтобы государство обеспечило стабильное положение в обществе и гарантировало права своим гражданам и т.д. Другими словами, человек делает свободный выбор, когда общество не только заинтересовано в его выборе, но и содействует ему. Значит, приоритет общественным интересам не исключает реализации интереса личностного, напротив, диалектически соотносится с ним.

Думается, уместно было бы сослаться на работу Н. Макиавелли «Государь». Как правило, студенты бывают уже слышаны об этом политическом мыслителе эпохи Возрождения преимущественно в отрицательном ключе. Все знают о том, что он был сторонником принципа «цель оправдывает средства», а это нехорошо. Вопрос: всякая ли «цель оправдывает средства», по мнению Макиавелли, или же тот имеет в виду вполне определённую цель – нередко застаёт студентов врасплох. Знакомство с работой «Государь» всё расставляет по своим местам.

Оказывается, речь там идёт о сохранении единого суверенного государства как основы благополучия его граждан. Ради того, чтобы поддержать спокойствие в государстве и отстоять его интересы, Макиавелли действительно допускал и хитрость, и жестокость, поскольку защита государственных интересов равносильна защите интересов его граждан.

Можно по-разному оценивать меры, предлагаемые Макиавелли для поддержания суверенитета. Остаётся спорным и сам принцип «цель оправдывает средства». Пожалуй, имеет смысл оставить вопрос открытым, чтобы у студентов не складывалось впечатление, будто мировоззренческие проблемы подобны задачкам для школьников младших классов, правильные ответы на которые даны в конце учебника. Но как бы мы ни оценивали позицию Макиавелли, важно подчеркнуть, что он говорит не о любой цели, тем более не о личной цели. Цель государя, с его точки зрения, – не удовлетворение собственных прихотей, а поддержание целостности и независимости государства, то есть цель надличная, может, даже сверхличная. Тем самым Макиавелли отдаёт предпочтение общему перед личным, ибо в противном случае личное (индивидуальное) лишается своей опоры.

Не будем останавливаться на вопросе о возможном расхождении интересов личности и общества, общества и государства. Просто признаем, что с подобным расхождением приходится сталкиваться в жизни каждому из нас. Помогает ли пройденный материал в разрешении жизненных проблем? Практика показывает, что философские учения для многих студентов остаются абстрактно теоретическими рассуждениями и не используются для анализа собственных поступков и побуждений. Даже студенты, хорошо освоившие курс философии, при разрешении собственных проблем возвращаются к обыденному сознанию, существенно приправленному либеральной идеологией. Последняя надежда на занятия с аспирантами, где снова придётся говорить о происхождении созна-

ния и его общественной сущности, а значит, уместно будет вернуться к вопросу об иерархии интересов, насколько самим учащимся приходится иметь с ней дело практически.

В повседневной жизни студенты сталкиваются с групповыми интересами, с которыми их личные интересы могут не совпадать. Господствующее общественное умонастроение подсказывает, что предпочтение надо отдавать личным интересам. Такой настрой не способствует сплочению группы. В результате студенческие группы зачастую остаются группами только в формальном смысле. В них не вырабатывается внутреннее единство, благодаря которому группа превращается в коллектив. Даже если между членами группы завязываются хорошие межличностные отношения, они распространяются на область интересов за пределами учёбы. В учебном процессе каждый остаётся один на один со своими проблемами, как если бы группа не решала никаких совместных задач. А есть ли таковые в действительности? Такой авторитет в области коллективного воспитания, как А.С. Макаренко, считал, что «коллектив возможен только при условии, если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для общества» [7, с. 69].

Примем без обсуждения то, что учёба – дело общественно полезное. А вот как быть с деятельностью, объединяющей людей в единый коллектив? Похоже, что в этом вопросе мы недостаточно последовательны. Так, в учебных курсах мы учим студентов тому, что деятельность – отличительная особенность человека, а на практике принимаем как должное современную ориентацию общественного сознания на то, чтобы получать максимум благ с минимальными трудовыми затратами. Видимо, в наших учебных курсах недостаточно изложить трудовую теорию антропогенеза. Надо ещё объяснить студентам, до какой степени она касается каждого из нас. У нас это не всегда получается.

Хотя процесс обучения индивидуален и каждый учится самостоятельно, дав-

но замечено, что творческая атмосфера, создаваемая в коллективе, способствует лучшему усвоению материала. Так, обсуждение темы на семинаре оказывается более продуктивной формой его проведения, чем зачитывание докладов, когда вся группа в лучшем случае пассивно слушает докладчика, в худшем – занимается своими делами. Когда удаётся организовать обсуждение темы, учащиеся приходят на помощь друг другу, высказывают критические замечания, помогая выступающему исправить допущенную ошибку; задают вопросы, побуждающие оратора задуматься над своим выступлением. Тем самым мы получаем совместную деятельность, осуществляемую с помощью продуктивного общения.

Всегда ли удаётся провести семинар по описанному сценарию? – Увы, очень редко. Студенты больше полагаются на компьютеры как при подготовке к выступлению, так и в ходе самого выступления, нежели на поддержку своих товарищей. Обучение так и не становится совместной деятельностью. А жаль! Как показывают исследования, современная наука много выигрывает, если её осуществляют научные коллективы, а не учёные-одиночки или формальные группы [5, с. 235-236]. Значит, студенты, для которых научная деятельность является одной из возможных перспектив, должны со студенческой скамьи готовиться к коллективной деятельности.

К сожалению, у нас предусмотрено получение студентами компетенций, куда включается и умение работать в группе, даже способность быть лидером группы, а вовсе не обретение навыков создания коллектива как творческого объединения единомышленников. В том же направлении действует и «информационное общество», порождая мозаичное сознание. Специфика его состоит в том, что человек «атомизированный», вырванный из системы объективных связей, утрачивает способность воспринимать мир в его логической последовательности и целостности. Особое значение в выработке мозаичного сознания принадлежит телевидению. Как отме-

чают исследователи средств массовой коммуникации, телевидение вынуждает телезрителя воспринимать мир в соответствии с особенностями телевизионного изображения. «Так, поскольку программа новостей в сжатом виде даёт все (заслуживающие её внимания) события в мире вместе и сразу, телезрителю бессмысленно «нанизывать» сообщаемые факты на ... логически последовательную зависимость (когда причина – это то, что идёт в начале, а следствие – то, что в конце). Его сознание должно соотносить их между собою через взаимоотражения, формируя шарообразный «космос» мгновенно возникающих взаимосвязей...» [17, с. 130].

Для обладателей мозаичного сознания преимущества совместной деятельности остаются непонятными. Больше того, студенты не ожидают от группы никакой поддержки в обучении. Скорее наоборот, они чувствуют угрозу собственной индивидуальности, опасаясь раствориться в группе и стать объектом манипуляции. Сниженная способность к последовательному мышлению не позволяет им понять, что именно средства массовой коммуникации, при всей видимости предоставляемой ими свободы выбора, в действительности манипулируют сознанием, вынуждая человека замыкаться на искусственно создаваемых системах связи.

Так получается, что студенты не видят разницы между коллективом и группой и не различают плодотворное воздействие, обогащающее личность, и воздействие обезличивающее. К тому же представление о группе вызывает в памяти образ толпы. Многие кое-что слышали о психологии толпы и её отрицательном воздействии на случайного участника, что порождает тревожные чувства, переносимые на группу. Обращение к книге Г. Лебона «Психология народов и масс», в которой автор даёт классификацию толп с объяснением особенностей каждой из них, позволило бы учащимся, особенно аспирантам, внести большую ясность в свои представления о группах, массах и толпе. Ещё лучше было бы привлечь

работы отечественных авторов на эту тему, начиная с классика российской социальной психологии Н.К. Михайловского, прославившегося исследованиями «героев и толпы». Если бы удалось включить в обществоведческую часть «Истории и философии науки» упоминание о разработках этих проблем мыслителями прошлого – и не только отдалённого, но и недавнего – аспиранты получили бы возможность ориентироваться в некоторых жизненных обстоятельствах с опорой на науку.

Что касается манипуляции сознанием, столь пугающей многих преподавателей и учащихся, то с этим вопросом ещё надо разобраться. Сегодня появляются исследования, в которых манипуляция трактуется как необходимый элемент отношения человека к «Другому». «Универсальным антропологическим основанием манипуляции сознанием является утрата непосредственной связи человека с миром, способность дистанцироваться от наличного бытия, включая социальное ... Универсальным социальным основанием манипуляции сознанием выступает противоречие между становлением личности и необходимостью воспроизводства социальности» [15, с. 12]. Поскольку манипуляция сознанием опирается на реальное общественное противоречие, её роль неоднозначна. «Манипуляция сознанием конструктивна, если направлена на развитие личности, общества и приводит к гармонизации социальных отношений. Деструктивным акт манипуляции сознанием является, когда он изначально ориентирован или приводит в результате к разрушению исходной автономной целостности социального субъекта» [15, с. 16]. Отрицательное следствие манипуляции сознанием автор связывает с состоянием отчуждения в обществе.

Мне представляется, что два вида манипуляции следовало бы понятийно разграничить, коль скоро им даются противоположные оценки. Но, видимо, это работа на будущее. Хорошо, что она уже началась. В завершение этого раздела хотелось бы ещё раз подчеркнуть

практическую значимость соотношения общественного, группового и индивидуального сознания.

Ценности в структуре общественного сознания

Вопрос о ценностях в курсе исторического материализма не выделялся в особый раздел. Ценности рассматривались как часть духовной культуры наряду с идеями, знаниями, нормами и образцами поведения. Сегодня вопрос о ценностях приобрёл такое значение, в первую очередь, практическое, что имеет смысл выделить его в отдельный параграф и выявить его место среди других элементов общественного сознания. Начнём с определения ценностей, как оно бытует сегодня. «Ценность – термин, используемый в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определённых объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту» [2, с. 1200]. Похоже, что такое определение сегодня посчитали бы приемлемым представители разных философских направлений.

В философии неокантианства ценностям принадлежит особое место, поскольку неокантианцы считают философию наукой о ценностях, составляющих особый трансцендентный мир. Тем самым ценности признаются неизменными сущностями, которые присутствуют в истории в качестве ориентира для исторического процесса, но сами не являются исторически обусловленными. Хотя учение неокантианства заслуживает внимания, в вопросе о ценностях, на мой взгляд, оно оказалось несостоятельным. Действительность опровергла его тем, что вызывает к жизни новые ценности и отвергает старые, то есть показывает их историческую изменчивость. Общественная природа ценностей проявляется и в том, что они создаются под влиянием новых исторических условий, и в том, что они вырабатываются в рамках определённых идеологических систем с тем, чтобы воздействовать на личное,

групповое или общественное сознание в целом, включая слой общественной психологии, в нужном для идеологов направлении.

В сфере общественной психологии ценности дают о себе знать в установках, задающих направленность и эмоциональную окраску поведению индивидов. Как правило, их наличие не осознаётся. Однако человек с высшим образованием обязан отдавать себе отчёт в существовании ценностей, без чего невозможна рациональная критика как действительности в целом, так и самого себя. Осознание ценностей, которыми руководствуется человек, сопряжено с трудностями. Поскольку ребёнок воспитывается в этнокультурной среде, он осваивает ценности в их этническом и культурном своеобразии, как они унаследованы из прошлого и как бытуют в настоящее время.

Тем самым современный человек изначально поставлен в неоднозначную, а то и конфликтную ситуацию: с одной стороны, все мы живём в глобальном мире и поневоле оказываемся носителями «общечеловеческих ценностей»; с другой – каждый живёт в определённой социокультурной среде и является представителем своего этнического образования на исторически определённом этапе его развития. Насколько ценности первого и второго рода совпадают или хотя бы насколько они способны ужиться между собой, – проблема, которую каждый образованный человек должен решить для себя сам. Боюсь, что универсальные рецепты тут невозможны. Что возможно, так это донести до сведения каждого студента суть сложившегося положения вещей и побудить его активно участвовать в анализе происходящих процессов и разрешении возникающих противоречий.

На первый взгляд может показаться, что достаточно обратиться к общечеловеческим ценностям – и проблема будет снята. Ведь на то они и общечеловеческие, чтобы составлять основу всех локальных ценностей. Однако анализ показывает, что нынешние представления об общечеловеческих ценностях разрабо-

таны в недрах либеральной идеологии, допускающей существование «человека вообще», оторванного от других людей и от реальной истории, то есть человека атомизированного. Но если ребёнок изначально вырван из общества и не прошёл процесса социализации, он человеком не станет [8, с. 192-196]. Если же ребёнок благополучно прошёл процесс социализации, он освоил человеческое содержание и человеческие смыслы тех общественных и этнокультурных групп, в которых он воспитывался. Дальше человек может оказаться в изоляции от общества (Робинзон Крузо, например), тем не менее, он уже будет носителем общественных и групповых ценностей.

Так что же такое «общечеловеческие ценности»? Полагаю, что трудность в их определении связана с тем, что как таковые на сегодня они ещё не сложились, поскольку не сложилось ещё единое человечество. Они присутствуют в нашей жизни в виде тенденции, стремления к общечеловеческой солидарности нового типа [13, с. 430-433]. То, что сегодня навязывается либеральными идеологами под названием «общечеловеческих ценностей», – это пустая форма, лишенная человеческого содержания [11, с. 45-49; 51]. Студенты оказываются перед лицом проблемы, разрешать которую каждому приходится самому без надежды на то, чтобы принятое решение стало всеобщим правилом. Думается, что такое преподнесение проблемы должно стимулировать студентов и аспирантов творчески подходить к философским вопросам.

Важнейшей областью столкновения ценностей является так называемое межкультурное взаимодействие, которое, однако, не следует понимать буквально: взаимодействуют не культуры сами по себе, а люди – носители ценностей разных культур. С учётом того, как осуществляется приобщение ребёнка к ценностям и их освоение ребёнком, правомерно говорить о различных субъектах межкультурного взаимодействия. В межкультурный контакт могут вступать как государства, так и социальные груп-

пы или институты. «...Межкультурная коммуникация распределяется как во внешнеполитическом пространстве (и тогда «игроками» этого поля выступают национальные государства как её макроакторы), так и в пространстве внутривнутриполитическом (в этом случае речь идёт о больших и малых социальных группах, а также социальных институтах и отдельных организациях, представленных, разумеется, конкретными людьми)» [14, с. 11].

Наличие разных субъектов межкультурного взаимодействия приводит к тому, что коммуникации могут осуществляться на разных уровнях и с разными целями. «Определённая часть подобных взаимодействий представляет собой стихийное взаимовлияние соприкасающихся подсистем между культурами различных типов (или, если использовать несколько иной подход, между различными социокультурными организмами). Другая часть межкультурных коммуникаций связана с более или менее продуманными стратегиями влияния – партнёрского и непартнёрского типов» [14, с. 12]. Пользуясь понятиями, в которых мы осмысливали структуру общественного сознания, получим, что основы межкультурного взаимодействия могут вырабатываться идеологически, а могут и не выходить за пределы массового сознания, включая общественно-психологические механизмы.

Маловероятно, что бы кто-то открыто заявил о том, что придерживается стратегии непартнёрского типа. А вот скрытное навязывание своей позиции партнёру широко распространено. Примером тому служит положение, когда один партнёр навязывает свою волю другому под прикрытием «общечеловеческих» ценностей, имеющих – как заявляется – безусловный приоритет перед ценностями «локальными». Можно ли подобное воздействие считать коммуникацией, заведомо предполагающей какой-то уровень взаимопонимания? Вряд ли! Идеологизированное представление о ценностях, разделяемых одним из партнёров, – как правило, более силь-

ным в экономическом и политическом отношениях, – выльется в одностороннее воздействие, сопровождаемое взаимным непониманием.

Сходным образом положение складывается и в том случае, когда предпринимаются попытки установить межкультурную коммуникацию между культурами, исторически противостоявшими друг другу и представлявшими разные «культурно-исторические типы», как сказал бы Н.Я. Данилевский. Ситуация отторжения воспроизводится не только на психологическом уровне, но и побуждает идеологов выразить её в рационально-идеологической форме.

Таким образом, установлению межкультурного взаимодействия могут препятствовать как идеологические представления, так и социально-психологические механизмы. «Можно указать две причины ... «установки на непонимание». Первая апеллирует к «неполноценности» чужой культуры.... Этот мотив может быть обозначен как «комплекс интеллектуального превосходства». Вторая причина связана с радикальным отторжением чужой культуры, как заведомо неприемлемой и потому «непостижимой» с «нормальной» точки зрения» [1, с. 36-37].

Очевидно, что рассчитывать на межкультурный диалог для сглаживания межкультурных противоречий не приходится. Участники диалога просто не услышат друг друга. Отсылка к толерантности ничего не меняет по сути дела, а лишь прикрывает существующие разногласия, социальные в основе своей, хотя и принявшие форму противоречий между культурами [9, с. 26-28]. Нужна прочная основа для межкультурного взаимодействия. Опыт создания такой основы на пространстве внутривосточном у нас уже есть. Имеется в виду «совет-

ский человек» как новая историческая общность, складывавшаяся на базе промышленного и общественного развития Советского Союза [13, с. 457-460]. Развал Советского Союза сопровождался разрушением общественной солидарности, вместе с которой были утрачены начала гуманизма в отношениях между людьми. На смену им пришли межэтнические конфликты и вымирание народа.

Сегодня в России остро стоит вопрос о создании новых ценностей или возобновления прежних, способных объединить страну, что, в свою очередь, станет возможным только в условиях развития страны, а не разбазаривания природных ресурсов и проедания богатств, созданных нашими предшественниками. Не будет развития – не удастся сохранить и традиционные ценности. Их нельзя законсервировать, они должны работать на поддержание и воспроизводство повседневной жизни.

Завершая этот раздел статьи, хотелось бы привлечь внимание как преподавателей, так и студентов к понятию «гуманизм». Думается, неслучайно многие исследователи обращаются к этой, не слишком модной в наше время теме. Сошлюсь в качестве примера на материалы конференций, посвящённых проблемам гуманизма [3, с.16]. При всём разном в трактовках гуманизма, в обсуждении этой темы проглядывает главное: гуманизм представляется ценностью. Это позиция, близкая мне, хотя и остающаяся пока благим пожеланием [10, с. 70-71]. Хотелось бы, чтобы гуманизм стал подлинной общечеловеческой ценностью, и не только в теории, но и на практике. Подводя итог всему сказанному, выражаю уверенность в том, что общественное сознание – интересный предмет для изучения, который ещё не раз преподнесёт нам сюрпризы.

Список литературы:

1. Бирюков Н.И. Взаимопонимание и взаимное непонимание в условиях глобализации // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ

- сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. А.В.Шестопада, М.В.Силантьевой; отв.ред. А.В. Мальгин. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2013. С. 35-40.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
 3. Гуманизм и толерантность: возможности диалога мировоззрений: Материалы IX-X Марксов-ских чтений, посвящённых памяти профессора В.Д. Жукоцкого / Отв. ред. З.Р. Жукоцкая. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013.
 4. Додельцев Р.Ф. Введение в науку о науке. В 3-х ч. Ч. 2. Вселенная, жизнь, культура / Р.Ф. Додельцев; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2010. 127 с.
 5. Литвак Н.В. К вопросу о коллективной теоретической работе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 232-236.
 6. Литвак Н.В. Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции: учеб. пособие / Н.В.Литвак. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2014. 86 с.
 7. Макаренко А.С. Коллектив и воспитание личности. М.: Педагогика, 1972. 334 с.
 8. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. - Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1976. 287 с.
 9. Панфилова Т.В. Межкультурное общение: социологические и социально-психологические проблемы // Репутациология. 2010. № 2. С. 21-28.
 10. Панфилова Т.В. О пользе и вреде философии истории. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 80 с.
 11. Панфилова Т.В. Ценности глобализованного мира: общечеловеческие или обесчеловеченные? // Конфликтология. 2014. № 1. С. 45-56.
 12. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
 13. Самарин А.Н. Социальная солидарность в эру глобализации: случай России // Перспективы цивилизации. Философские проблемы: сборник статей / под общ. ред. проф. Г.Ф. Хрустова, проф. А.В. Шестпада. М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. С. 416-480.
 14. Силантьева М.В., Шестопал А.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ сентябрь 2012 г.): научное издание / Под ред. А.В. Шестопада, М.В. Силантьевой; отв. ред. А.В. Мальгин. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2013. С. 10-16.
 15. Сиразетдинова М.Ф. Манипуляция сознанием: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2016. 22 с.
 16. Судьбы социального гуманизма: философия, политика, экономика (VIII Марксовские чтения): Материалы Международной научной конференции (г. Нижневартовск, 6 марта 2010 г.) / Отв. ред. З.Р.Жукоцкая. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 235 с.
 17. Терин В.П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада. – 2-е изд., перераб. и доп.. М.: МГИМО (У) МИД России, 2000. 223 с.
 18. Яковлева М.В. Почему в Пакистане невозможна полномасштабная реформа медресе // Институт Ближнего Востока. – 8 марта 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=23752#more-23752> (дата обращения: 8.03.2015).

Об авторе:

Панфилова Татьяна Васильевна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. E-mail: panta@inbox.ru.

SOCIAL CONSCIOUSNESS AS A SUBJECT OF PHILOSOPHY AND THE HUMANITIES

T.V. Panfilova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA Russian Federation, Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76.

Abstract. Social consciousness studies are essential to humanities provided by the university program. This is of particular importance as a part of the philosophical course since only philosophy regards social consciousness as a whole system. Forms and levels of social consciousness are in the foreground. Each form is stressed to be manifested at all levels although to different degrees. The status of science remains controversial. Scientific consciousness and ordinary consciousness must be distinguished. It is rather difficult for students and post-graduates to understand what social psychology means and what kind of role it plays in public life. Ideology takes a special place in social consciousness structure. We should pay particular attention to it. Correlation between social, group and individual consciousness is a serious problem. Learning of this theme is of educative and practical importance. It favors the skills of joint activity in students' group encouraging to overcome fragmentariness typical of some young people consciousness and to form consistent thinking in its turn. We should dwell on the question of values both on theoretical and practical levels. The concept of a possible conflict of values is of great practical importance. On the one hand modern person is engaged in global processes and shares "all-human" values, on the other – being grown up in some ethno-cultural environment he shares the values of the ethnic group. Trying to solve the intrapersonal conflict, students form creative attitude to education and upbringing. Comprehension of what values are and why they clash with each other will help students to become subjects of intercultural interaction. The question of what humanism is and how to put it into practice will be raised over again.

Key words. social consciousness, forms and levels of social consciousness, science, ordinary consciousness, social psychology, ideology, group consciousness, individual consciousness, values, intercultural interaction, humanism.

References:

1. Biryukov N.I. Vzaimoponimanie i vzaimnoe neponimanie v uslovijah globalizatsii [Mutual Understanding and Failure to Understand one Another under Globalization]. *Mezhkulturnaja kommunikatsija: sovremennaja teorija i praktika (Materialy VII Konventa RAMI sentjabr 2012 g.): nauchnoe izdanie* [Intercultural communication: modern theory and practice (Materials of VII Convent of RISA September 2012): Scientific edition/ Ed. by A.V. Shestopal, M.V. Silantjeva; editor-in-chief A.V. Malgin]. Moscow, ZAO Izdatelstvo "Aspekt Press", 2013, pp. 35-40 (In Russian).
2. *Vsemirnaja entsiklopedija: Filosofija* [World Encyclopedia: Philosophy] / Glavn. nauch. red. i sost. A.A.Gritsanov. Moscow: AST; Minsk: Harvest, Sovremennyy literator, 2001, 1312 p. (In Russian).
3. Gumanizm i tolerantnost: vozmozhnosti dialoga mirovozzrenij [Humanism and Tolerance: the Possibility of World-Outlooks Dialog]: *Materialy IX-X Marksovskih chtenij, posvjashchennyh pamjati profesora V.D.Zhukotskogo* [Materials of IX-X Marx readings in memory of Professor V.D.Zhukotskij] / Otv. red. Z.R. Zhukotskaja. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2013. (In Russian).
4. Dodeltsev R.F. *Vvedenie v nauku o nauke. V 3-h ch. Ch. 2. Vselennaja, zhizn, kultura* [Introduction into the Science about Science. In 3 parts. Part 2. The Universe, life, culture] / R.F.Dodeltsev; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) MID Rossii; kaf. Filosofii. Moscow, MGIMO-University, 2010. 127 p. (In Russian).
5. Litvak N.V. K voprosu o kollektivnoj teoreticheskoj rabote [About Collective Theoretical Work]. *Vestnik MGIMO-Universiteta - Bulletin of MGIMO-University*, 2012, no. 4. pp. 232-236 (In Russian).
6. Litvak N.V. *Filosofija kak obsheobrasovatel'naja distsiplina. Opyt Frantsii: ucheb. posobie* [Philosophy as a General Subject. Experience of France: textbook] / N.V.Litvak. Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) MID Rossii; kaf. Filosofii. Moscow, MGIMO-University, 2014, 86 p. (In Russian).
7. Makarenko A.S. *Kollektiv i vospitanie lichnosti* [Collective Body and Upbringing of a Person]. Moscow, Pedagogy, 1972. 334 p. (In Russian).
8. Mihajlov F.T. *Zagadka chelovecheskogo Ja* [Mystery of human Ego]. – Izd. 2-e. Moscow: Politizdat, 1976. 287 p. (In Russian).
9. Panfilova T.V. *Mezhkulturnoe obschenie: sotsiologicheskie i sotsialno-psihologicheskie problemy* [Intercultural communication: sociological and socio-psychological problems]. *Reputatsiologija - Reputation Studies*, 2010, no.2, pp. 21-28 (In Russian).
10. Panfilova T.V. *O polze i vrede filosofii istorii* [About Use and Harm of Philosophy of History]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 80 p. (In Russian).
11. Panfilova T.V. Tsennosti globalizirovannogo mira: obshechelovecheskie ili obeschelovechennye? [Values of the globalized world: all-human or inhuman?]. *Konfliktologija – Conflictology*, 2014, no. 1, pp. 45-56 (In Russian).

12. Parygin B.D. *Osnovy sotsialno-psihologicheskoi teorii* [Foundations of Socio-Psychological Theory]. Moscow, Mysl', 1971. 352 p. (In Russian).
13. Samarin A.N. Sotsialnaja solidarnost' v eru globalizatsii: sluchaj Rossii [Social solidarity in globalization era: the case of Russia]. *Perspektivy tsivilizatsii. Filosofskie problemy: Sbornik statej* [Civilization perspectives. Philosophical problems: Collected articles] / Pod obsch. red. prof. G.F. Hrustova, prof. A.V. Shestopala. Moscow, MGIMO(U) MFA of Russia, 2009, pp. 416-480 (In Russian).
14. Silantjeva M.V., Shestopal A.V. Mezhekulturnaja kommunikatsija v svete sovremennyh modernizatsionnyh protsessov [Intercultural communication in light of contemporary modernizing processes]. *Mezhekulturnaja kommunikatsija: sovremennaja teorija i praktika (Materialy VII Konventa RAMI sentjabr 2012 g.): Nauchnoe izdanie/ Pod red. A.V.Shestopala, M.V.Silantjevoy; otv.red. A.V.Malgin.* [Intercultural communication: modern theory and practice (Materials of VII Convent of RISA September 2012): Scientific edition / Ed. By A.V.Shestopal, M.V.Silantjeva; editor-in-chief A.V.Malgin] Moscow: ZAO Izdatelstvo "Aspekt Press", 2013, pp. 10-16 (In Russian).
15. Sirazetdinova M.F. Manipuljatsija soznaniem: sotsialno-filosofskij analiz. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Manipulation of consciousness: socio-philosophical analysis. abstract. dis. kand. philosophy. sciences]. Ufa, Bashkir. gos. un-t, 2016. 22 p. (In Russian).
16. Sudby sotsialnogo gumanizma: filosofija, politika, ekonomika (VIII Markšovskie chtenija) [Fate of Social Humanism: Philosophy, Politics, Economy (VIII Marx readings)]: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (g. Nizhnevartovsk, 6 marta 2010 g.)* [Materials of the International scientific conference (Nizhnevartovsk, 6 March 2010)] / Otv. red. Z.R. Zhukotskaja. Nizhnevartovsk: Izdatelstvo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2011. 235 p. (In Russian).
17. Terin V.P. *Massovaja kommunikatsija: issledovanie opyta Zapada* – 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, MGIMO(U) MID Rossii, 2000. 223 p. (In Russian).
18. Jakovleva M.V. Pochemu v Pakistane nevozmozhna polnomasshtabnaja peforma medrese [Why the Full-Scaled Reform of Medrese is Impossible in Pakistan]. *Institut Blizhnego Vostoka - The Institute of the Middle East*. – Available at: <http://www.iimes.ru/?p=23752#more-23752> (Accessed 8 March 2015).

About the Author:

Tatiana V. Panfilova – Doktor (Philosophical Sciences), Professor of the Philosophical Department of MGIMO MFA of Russia. E-mail: panta@inbox.ru.